

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

«*Social structure in Southeast Asia*». Чикаго, 1960, 182 стр.

Рецензируемая книга представляет собой сборник докладов, прочитанных на симпозиуме по социальной структуре в Юго-Восточной Азии на IX Тихоокеанском научном конгрессе, состоявшемся в Бангкоке (Таиланд) с 18 по 30 ноября 1957 г.

Сборник состоит из предисловия, написанного редактором Джорджем Питером Мардоком, и 10 статей — «Формы социальной организации родственников» Дж. Мардока, Мнонги-гар центрального Вьетнама» Ж. Кондомина, «Игороты Сагада (сев. Лусон)» Фр. Эггана, «Восточные субанун о-ва Минданао» Ч. Фрэйка, «Ибан западного Борнео» Д. Фримэна, «Яванцы южной и центральной Явы» Р. Кунчаранинграта, «Сингалы засушливой зоны северного Цейлона» Е. Лича, «Аборигены Формозы» Т. Мабути, «Дополнительные заметки об аборигенах Формозы» Вэй Хуэй-линя, «Сороочи мяо южной Сычуани» Жуй И-фу. К сборнику приложены библиография и указатели, что облегчает пользование книгой.

Сборник открывается статьей редактора Дж. П. Мардока, призванной, по-видимому, определить все направление данного издания. Поскольку эта статья носит, как можно считать, установочный характер и в ней в конспективной форме охвачен очень большой материал и широкий круг проблем, необходимо изложить ее содержание подробнее.

Значительная часть статьи посвящена установлению и уточнению терминологии и дефиниций.

Терминология автора имеет специфически англо-саксонский оттенок и трудно поддается переводу. Так, все потомство предполагаемого общего предка («максимальная линейная родственная группа») автор обозначает термином «sib». Если все общество разделено на два очень крупных «sib», то их называют «moieties» (стр. 1). Термин «клан» автор резервирует для «локальной группы»; ядро ее составляют взрослые только одного пола, к которым добавляются их супруги и от которых отделяются их взрослые родичи другого пола, уходящие к своим супругам в другие локальные группы» (стр. 1). Мардок различает по линейности поселения и наследования «метрикланы», «патрикланы» и «авункукланы» (в последнем случае с матрилинейным наследованием и авункулокальным поселением).

Однако основное внимание автора направлено не на эти однолинейные группы потомков одного предка, на которые общество может быть четко разделено, а на такие группы, для которых центром построения является не предок, а «я», «эго». Автор обозначает их термином «cognatic group», что условно можно перевести как «родственная группа».

Под «родственными группами» автор понимает всю совокупность родственников и свойственников данного индивида. Разные члены такой группы, в отличие от однолинейной группы, могут быть и не родственны между собой, и ясно, что в любом обществе «родственные группы» разных индивидов бесконечно перекрываются, и ни одно общество не может быть четко разграничено на подобные группы.

Все группы родственников, как однолинейные, так и неоднородные, Мардок делит на три категории по проявленности и тесноте связей между родственниками:

а) корпоративные группы — семьи, «кланы» (по терминологии автора), патрионимии (lineage), т. е. группы с экономической связью;

б) окказиональные группы (например, современный шотландский клан), которые действуют сообща только в определенных случаях;

в) описательные группы, которые даже в особых случаях не имеют организационного значения, а служат лишь системой, определяющей права и обязанности индивида к другим. Таков, по автору, обычно «sib» (стр. 5). Принадлежность к нему определяет лишь экзогамные обязанности, право на гостеприимство при путешествиях и т. д.

«Родственные группы», по этой шкале, везде оказываются «окказиональными»: они имеют организационное значение в случаях кровной мести, похорон, крестин, свадеб, инициаций и т. д.

В небольшой рецензии можно коснуться лишь главнейших дефиниционных постулатов Мардока; в статье сформулировано множество более мелких дефиниций и терминов. Например, «lineage», по Мардоку, может быть «unilineal», «nonunilineal», «multilineal», «ambilineal», «bilateral», «uterine» и т. д.; поселение может быть «matrilocal», «patrilocal», «avunculocal», «neolocal», «dislocal», «uxorilocal», «virilocal» и т. д.

Работа по установлению подобных дефиниций в принципе полезна, и никто не станет отрицать важности точной и унифицированной терминологии. Однако, как мы увидим ниже, в погоне за дефинициями кроется опасность впасть в метафизический схематизм, забыть о диалектическом переходе одних категорий в другие, об отсутствии непроходимых граней и универсально пригодных схем.

Особое внимание Мардок уделяет обществам с группировкой родственников «эскимосского типа», для которого он выделяет такие признаки:

1) выдающееся значение малых семейных единиц и отсутствие любых форм «большой семьи»;

2) преобладающая моногамия при ограниченной и частичной полигамии;

3) амбилокальное или неолокальное поселение, т. е. отсутствие строгих установлений на этот счет;

4) отсутствие экономических, бытовых, религиозных функций у групп с общим предком;

5) наличие обоюдосторонних «родственных групп» или, по крайней мере, отсутствие сведений об их отсутствии (!);

6) отсутствие различий в допущении к браку кузенов разных подразделений;

7) кузенная терминология эскимосского типа;

8) авункулярная терминология линейного или бифуркатно-коллатерального типа, т. е. не распространение на дядей и теток родительских терминов (стр. 6).

Оставим в стороне правомерность тех или иных пунктов этой анкеты. Однако надо задать вопрос, имеет ли она ценность вообще, если по указанным восьми признакам автор объединяет в один тип столь разные по условиям формирования и уровню социального развития народы, как калинга, андаманды, кхмеры, французы, аргентинцы, чехи, русские, саами, ямайцы, японцы, айны, чукчи, коряки?

Какое может иметь значение для нас тот факт, что сюда же должны быть отнесены из всей Океании лишь ассимилированные чаморро Сайпана, а «из почти исключительно однолинейной Африки лишь койсанские охотники» (стр. 6)?

Кстати сказать, здесь автор, вопреки своей высокой требовательности к терминологической точности, сам допускает смешение в одном определении разных понятий — лингвистического и хозяйственного.

Нет надобности доказывать, что отсутствие большой семьи у русских и у эскимосов есть явление, имеющее разный возраст и разные исторические причины, и не может служить критерием для отнесения тех и других к одному типу. То же можно сказать и про многие другие из восьми признаков Мардока.

Всего в своей статье Мардок выделяет три типа «родственной социальной организации», которые характеризуются признаками, сведенными в следующую таблицу:

Категории признаков	Билатеральный тип (эскимосский)	Квазиоднолинейный тип (карибский)	Обоюдолинейный тип (полинезийский)
Малая семья	Неизменно играет выдающуюся роль	Редко выделяется	Редко выделяется
Большая семья	Неизменно отсутствует	Почти всегда наличествует	Обычно наличествует
Билатеральный (обоюдосторонний) счет родства	Обычно наличествует	Почти всегда отсутствует	Иногда имеется
Обоюдолинейное ветвление	Обычно отсутствует	Неизменно отсутствует	Почти всегда присутствует
Поселение	Всегда неолокальное или амбилокальное	Обычно монолокальное	Почти всегда амбилокальное
Брак с двоюродными братьями	Часто разрешается	Разрешается с кросскузенами	Неизменно запрещается
Брак с троюродными братьями	Обычно разрешается	Обычно разрешается	Обычно запрещается
Кузенная терминология	Почти всегда эскимосская	Почти всегда ирокезская	Почти всегда гавайская
Авункулярная терминология	Обычно линейная	Обычно бифуркатная	Обычно по поколениям

Хотя в статье Мардока имеются отдельные ценные замечания и наблюдения, основное содержание его статьи — попытка классификации отношений между родственниками — вызывает серьезные возражения. Предложенные схемы представляются надуманными и схоластическими, сам принцип их составления лишен историзма, а выбор признаков, как можно видеть из приведенных таблиц, лишен четкости, необходимой для нахождения подлинно научных критериев.

Материал остальных статей сборника в той или иной степени анализирован Мардоком в духе общих его концепций и призван, очевидно, иллюстрировать эти концепции.

Статьи в сборнике очень различны как по объему, так и по подходу к тематике, хотя, конечно, отношения между родственниками везде находятся в центре внимания.

Авторы не ставили своей задачей построить изложение в соответствии с концепциями первой по порядку статьи, но это пошло не во вред, а скорее на пользу дела.

Работа Ж. Кондомина (Университет Сорбонны) «Мнонги-гар Центрального Вьетнама» посвящена крупному племени горных кхмеров, занимающемуся подсечно-

переложным земледелием на нагорьях Центрального плато. Этот очень короткий очерк (стр. 15—23, включая приложения) касается в основном внутривидовой терминологии, системы и терминов родства. Кондомина отмечает, что несмотря на наличие «длинного дома», основной ячейкой не только хозяйственной, но и обрядово-религиозной деятельности является малая семья, занимающая одну секцию этого дома. Расположение этих семей в доме обуславливается не только родством, но и взаимными симпатиями и подвержено изменениям.

Статья Ф. Эггана (Чикагский университет) «Игороты Сагада (сев. Лусон)» описывает одну из локальных групп этого народа Филиппин, где автор проводил полезные исследования в 1949—1950 гг.

Ф. Эгган подробно останавливается на географическом положении района Сагада и этнографических особенностях его населения, а затем переходит к описанию родственных и семейных отношений. Большое место автор уделяет терминологии родства у игоротов Сагада, а далее описывает обряды, связанные с жизненным циклом. Следует отметить как достоинство работы, что Эгган не отрывает социальную организацию игоротов от хозяйства, экономики.

Как отмечает автор, «у игоротов в Сагада в двустороннюю потомственную группу (bilateral descent group) входят все потомки некоего выдающегося предка, отца-основателя, или выдающегося живущего ныне индивида, независимо от линии родства» (стр. 29). Эта группа, не играя решающей роли в заключении брака, отправляет некоторые связанные с ним церемонии. Члены этих групп имеют право обрабатывать склоны гор, впервые расчищенные и обрабатывавшиеся их предком.

Интересные сведения приводит Эгган о родственных отношениях вне потомственных групп. «Личный круг родственников — это билатеральная группа родственников, окружающая каждого индивида или потомственную группу. Его надо четко отличать от последней, ибо если «эго» является фактическим или потенциальным основателем потомственной группы и членом рода потомственных групп, то круг его родственников охватывает всех потомков его пра-прадедов или даже более далеких предков» (стр. 30). «Распространение родственных отношений вплоть до четвероюродных братьев, наверное, обусловлено тем, что «эго» обычно получает сведения о родственниках от своего деда, которого, в свою очередь, учил его дед» (там же).

Автор отмечает важность того, что ни рисовые поля, ни источники орошения никогда не связываются с потомственными двусторонними группами (стр. 29). «Это наводит на мысль, — пишет Ф. Эгган далее, — что эти группы могли быть более важными в ранний период переложной культивации корнеплодов» (стр. 29—30).

Затем Ф. Эгган останавливается на классовом расхождении у игоротов в Сагада, терминологии родства, приводя обширные таблицы этой терминологии. Автор сообщает о правилах поведения в обществе у игоротов этой группы, о браке, вытекающих из него взаимных отношениях и связанных с ними терминах родства. Представляет интерес описание Ф. Эгганом жизненного цикла у игоротов и относящихся к нему обрядов.

В заключение статьи автор отмечает значительную сложность социальной системы у игоротов. Как указывает автор, «эта система организована на основе поколений со взаимными отношениями между более далекими родственниками и с выделением основной семьи и ее членов» (стр. 45). Кровное родство имеет первостепенное значение, и брак у игоротов, с точки зрения общины, обычно союз между родственниками (стр. 45). Кооперация между кровными родственниками есть нечто само собой разумеющееся; с другими она факультативна и добровольна.

В Горной провинции на Филиппинах существует также не родственная, а территориальная квартальная организация, охватывающая одну или несколько деревушек. Посредством ее стремятся сохранить постоянство, неизменность и структуру общества вне зависимости от родственных отношений (стр. 46). Эти квартальные организации могут расширяться или даже дать начало новой сплоченной организации. Если же число ее членов уменьшается, такая организация может вобрать новых членов из других дсмов.

Нигде в Горной провинции, отмечает автор, террасовые рисовые поля или ирригационные системы не стали общей собственностью более крупных, чем семья, единиц, хотя близкие родственники имеют некоторые притязания на наследование рисовых полей в разных районах (стр. 47). В случае конфликтов с чужаками родственные группы у этих игоротов выступают заодно. Все члены этого объединения равны между собой, но внутренняя солидарность подрывается раздельным наследованием и множеством усвоений: «...дуальное разделение Сагада на противостоящие территориальные половинки, двусторонние потомственные группы с их общими функциями, квартальная организация и личное родство могут рассматриваться в свете перспективы все возрастающего перенаселения и все большего взаимодействия» (стр. 48). «Система родства, имеющая широкий охват, но позволяющая устанавливать детальные дефиниции, служит задачам как связи с более широким коллективом, так и выделения основной семьи» (стр. 49). Заканчивая статью, автор подчеркивает необходимость лучшего изучения билатеральных институтов.

Чарльз Фрэйк (Стэнфордский университет) в статье «Восточные субанан о-ва Минданао» останавливается на социальной организации 70-тысячного населения п-ва Замбоанга, соединенного с центральным Минданао узкой полоской земли. Субанан занимают земледелием, они культивируют рис и другие зерновые культуры. Автор отме-

чает, что языки субанун составляют подгруппу языков центральных Филиппин и подразделяются на два тесно родственных языка — восточной и западной субанун (стр. 52). В своей статье Ч. Фрэйк говорит подробно только о восточных субанун (численность их равна 55 тыс. чел.), среди которых он проводил полевую работу в 1953—1954 и 1957—1958 гг.

Автор с различных сторон разбирает в своей работе семейную организацию и семейные отношения, считая семью низшей социальной ячейкой общества субанун.

Работа Дж. Фримэна (Австралийский Национальный университет) посвящена ибан, или так называемым «приморским даякам», прото-малайскому населению западного Калимантана (Борнео). Большинство их в настоящее время живет в Сараваке, численность их на 1947 г. составляла 190 326 чел., или 34,8% всего населения Саравака (стр. 65). Это горный народ, основным занятием ибан является земледелие (возделывание суходольного риса). Автор проводил полевые исследования у ибан дважды: в феврале 1949 — январе 1951 и с декабря 1957 по март 1958 гг. Основное внимание Фримэн уделяет социальной структуре ибан и их системе родства и свойства. Автор детально разбирает организацию общины «длинного дома» ибан, состоящей из нескольких семей, насчитывающих обычно не более трех поколений. Фримэн останавливается также на брачных отношениях у ибан и на их малой семье. В отличие от некоторых других работ сборника, в этой статье в большей мере уделено внимание именно социальной организации и ее связи с отношениями родства у ибан.

Статья Р. М. Кунчаранинграта (Университет Индонезии, Джакарта) посвящена яванцам южных районов центральной Явы. Яванцы заселяют центральную и восточную части о-ва Ява. Они земледельцы, основной культурой является рис. В горных районах население выращивает на неорошаемых полях главным образом маниоку.

В статье Р. М. Кунчаранинграта содержится интересный и во многом новый этнографический материал о яванцах. Автор останавливается на социальных слоях яванского общества, разбирает структуру яванской общины. Особенно интересны данные автора об обрядности всего жизненного цикла у яванцев и связанных с ним обычаях. Особый раздел в статье посвящен собственности и праву ее наследования. Кунчаранинграт разбирает также терминологию родства яванцев. Очень конкретная, эта работа оставляет ясное представление о некоторых сторонах жизни яванской общины.

Статья Е. Р. Лича (Кембриджский университет) «Сингалы засушливой зоны Северного Цейлона», несмотря на свой небольшой размер, также представляется очень ценной. Автор стоит на верном методологическом пути, рассматривая семейно-родственные отношения в самой тесной связи с экономической спецификой данного общества. «Не совсем верно будет сказать, что сингалы регулируют свою экономическую жизнь в соответствии с отношениями родства; вернее, их отношения родства являются выражением того обычая, которым они регулируют свою экономическую жизнь» (стр. 123).

Можно только приветствовать проводимую автором борьбу против схематизма в английской этнографии. Лич прав, когда отмечает, что однолинейное наследование никогда не является только наличествующим или только отсутствующим: оно может присутствовать в разной степени.

Правоту Лича признает и Мардок в своей статье (стр. 9): он соглашается с тем, что «социальную структуру иногда лучше рассматривать как статистический итог многочисленных индивидуальных действий, чем как прямое отражение юридических правил»; вывод самих юридических правил из этой «суммы индивидуальных действий» гораздо вернее, чем перенос английскими структуралистами центра тяжести на структурные принципы как на оказывающие давление на действия индивида, хотя и это имеет место как вторичное явление.

В засушливой зоне Цейлона, по Личу, земледелие целиком зависит от водохранилищ, которые определяют площадь орошаемых полей, а следовательно, и величину деревень. Хотя участки орошаемой земли находятся в частном владении и могут продаваться и передаваться по наследству, необходимость коллективного пользования водохранилищем играет гораздо более существенную роль. Группа семей, пользующаяся одним водохранилищем, обычно строго эндогамна. Заключение брака, его матрилокальность или патрилокальность (по принятой в сборнике терминологии — соответственно укзорилокальность и вирилокальность) тесно связаны с землевладением, со стремлением объединить земельные участки; так, «право» человека на кросс-кузенный укзорилокальный брак, т. е. на поселение с дочерью брата своей матери, объясняется тем, что он может быть наследником земли своей матери в ее родной деревне, т. е. в той же деревне, где его жена наследует землю своего отца.

Статья Т. Мабути (Токийский университет) «Аборигены Формозы» содержит ценные сведения о численности, группировке и расселении всех племён гаошан на Тайване. Автор сообщает также данные о размерах дворов и поселений, описывает характер поселения, собственности, наследования, родственных отношений и терминологии родства отдельных племён — атайял, бунун, пуома, пайван и ами.

Статья Вэй Хуэй-линя (Тайваньский университет) на ту же тему опубликована в книге не полностью, так как опущен материал, дублирующий Мабути.

Работа его коллеги по университету Жуй И-фу посвящена одному из подразделений мяо, а именно «корочим» мяо южной Сычуани. Они живут в горах у границ Гуйчжоу и Юньнани. Численность, в оценке автора, около 100 тыс. чел. Жуй И-фу работал среди этой группы мяо в 1943 г.

Жуй И-фу дает краткий обзор занятий, хозяйства, материальной культуры и быта этой группы мяо. Следует лишь иметь в виду, что приводимые автором сведения относятся к 1943 г. и что за истекшее время мяо Китая сделали громадный скачок буквально во всех областях жизни. Особо детально автор останавливается на терминологии родства у «сорочьих» мяо, что составляет основу его небольшого сообщения. Вызывает возражение замечание автора о том, что «мяо сегодня не имеют какого-либо чувства политического единства» (стр. 144). По-видимому, в этом случае над взглядами автора довлеет та исключительно реакционная политическая обстановка, в которой он работает.

Как видно из изложенного, представленные в сборнике статьи имеют разную ценность, но почти в каждой приводится новый фактический материал, а часто дается и не лишняя интереса его интерпретация. Вообще говоря, эти статьи не потеряли бы ничего в своей ценности, будь они опубликованы и порознь. Сведение же их воедино и снабжение общей редакторской преамбулой не создало из этих разнородных статей книги, связанной какой-то единой линией изложения. Содержание сборника не оправдывает его очень обязывающего названия. Он остался механической совокупностью разнородных статей, имеющих лишь некоторое тематическое сходство. Анализ терминологии родства далеко не исчерпывает всего содержания, вкладываемого в понятие «социальная структура». Тем не менее, читатели, интересующиеся затронутыми в них конкретными проблемами, связанными с этнографией некоторых народов Юго-Восточной и отчасти Восточной Азии, смогут найти в этих статьях полезные для себя данные и интересные соображения; для тех же, кто специально интересуется материалами по терминологии родства и родственным отношениям, издание этих статей одной книгой представляет значительное удобство. Следует только еще раз предупредить читателя, что общего представления о социальной структуре Юго-Восточной Азии он из этих статей не получит (за исключением отрывочных конкретных данных по некоторым народам), зато попутно он сможет найти много ценных сведений, не связанных по своему характеру с заглавием сборника.

С. Арутюнов, Ю. Журавлев

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Ю. П. Аверкиева. *Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки*. Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, н. с., т. LXX, М., 1961, 271 стр.

Среди теоретических вопросов, разрабатываемых марксистской историко-этнографической наукой, видное место всегда занимала проблема распада первобытно-общинного строя и становления классовых отношений. Общий механизм этого процесса был блестящим образом вскрыт еще в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Однако задача детализованного анализа его конкретно-исторических вариантов продолжает стоять перед исследователями и сейчас. Одному из таких вариантов — формированию раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки и посвящена рецензируемая работа.

Книга Ю. П. Аверкиевой представляет собой капитальное исследование, в котором впервые в истории науки на обширном фактическом материале и с большой полнотой освещены особенности социально-экономического развития индейцев Северо-Запада в XVII—XIX вв. Автор привлек наблюдения большого числа русских и зарубежных путешественников, посетивших северо-западное побережье Америки в этот период, фольклорные материалы, специальные работы американских этнографов, а также результаты собственных полевых исследований. Даже простая сводка и систематизация приводимых в книге сведений явились бы большим научным трудом, чрезвычайно полезным для этнографов и историков. Но автор пошел несравненно дальше. Хорошо владея марксистско-ленинской методологией, Ю. П. Аверкиева глубоко проанализировала собранный ею фактический материал и правильно сформулировала вытекающие из него общие тенденции и закономерности развития. Едва ли будет преувеличением сказать, что рецензируемая книга, подытоживающая труд Ю. П. Аверкиевой, начатый еще в довоенные годы и нашедший частичное отражение в ряде предварительных публикаций¹, является самым значительным вкладом, когда-либо сделанным советскими уче-

¹ Ю. П. Аверкиева, Рабство у индейцев Северной Америки, М., 1941; е е же, Перевитки материнского рода у квакиуплей, Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, н. с., т. II, М.—Л., 1947; е е же, К вопросу о тотемизме у индейцев северо-западного побережья Северной Америки, сб. «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований», Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, н. с., т. LI, М., 1959; е е же, К истории общественного строя у индейцев северо-западного побережья Северной Америки (Род и потляч у тлинкитов, хайда и цимшиян), «Американский этнографический сборник», М., 1960.